

Сергей Наумов

Взведенный курок

Сергей Наумов

Взведенный курок

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160028

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Содержание

Капитан Стриженой	4
Гомозков и Агальцов	14
Гонда	18
Агальцов	24
Гомозков и капитан Стриженой	31
Гомозков	34
Поважный	37
Агальцов и Гордыня	42
Старшина Недозор	46
Капитан Стриженой	63
Гомозков	66
Гонда	69
Ксения Стриженая	73
Гонда	80
Эпилог	82

Сергей Наумов

Взведенный курок

Капитан Стриженой

– На девятом непонятное, товарищ капитан... Обнаружен след в наш тыл...

Старшина Ива Степанович Недозор стоял навтыжку, напряженно. Знаменитые на весь отряд запорожские усы чуть шевелились.

Начальник заставы Андрей Стриженой знал эту привычку старшины после доклада бормотать еще что-то неслышное.

Капитан проснулся мгновенно, как только скрипнула дверь. С тех пор как уехала Нина, он не запирал двери на ночь. Стриженой взглянул на часы – четыре часа ночи.

– Так что же непонятного на девятом, Ива Степанович?

– След непонятный, товарищ капитан... В единственном числе... И опять же вроде шаровая молния границу нарушила...

– Кто у нас на девятом?

– Эстет... Простите, товарищ капитан, Агальцов. Десять минут назад он включился в розетку и доложил, что видел своими глазами удивительное и редкое явление природы – шаровую молнию больших размеров на расстоянии примерно

но полукилометра.

– След на контрольно-следовой полосе?

– КСП на участке проходит по ложбине, там и в сухое-то время мокро, а сейчас – озеро, должно быть... След обнаружен у сломанной ольхи, что над ручьем. Агальцов решил молнию проследить. Пока бежал, молния исчезла в лесу, тогда он немного углубился в тыл, тут и увидел след. Он его лапником закидал, чтобы не смыло, и к розетке бегом. Задача ему поставлена держать след, пока не прибудет Гомозков с Мушкетом.

– Так...

"На девятом – это плохо, – думал Стриженой. – Плотный лес с густым кустарником, два оврага, ручей, выводящий к старому замку. И Агальцов... Молодой, неопытный солдат... Эстет... Придумают же..."

Капитан быстро оделся, оглядел старшину. Тот стоял, выпятив грудь, всем видом показывая, что готов возглавить поисковую группу.

"Не потянет, – мелькнула мысль, – пятьдесят два года, три ранения, две контузии. Пойду сам. Обидится старик. Отца вспомнит. Потом объясню..."

– Ива Степанович, – мягко сказал Стриженой, – останетесь за меня. Оповестите все пограничные наряды, позвоните соседям. Сообщите в отряд о нарушении. И вот еще что – Гордыню с Даниловым к старому замку...

Старшина опустил голову:

– Есть...

– А я с "тревожной"... Буду звонить...

Туман и мелкий морозящий дождь. Хуже погоды не придумаешь. А ведь еще не шумела осенняя ярмарка листопада, не кричали в небе журавли, хотя осень и чувствовалась в звонкости воздуха по утрам, в шорохе усыхающих на болоте камышей, в легкой багряности осиновых листьев. А дни-то какие стояли – тихие, солнечные. И вдруг, словно по чьему-то приказу, погода изменилась в одну ночь. Заволокло небо, и заморосил нудный, затяжной дождь. Из распадков и низин хлынул туман и укутал горы в плотную вату.

Пятый год пошел, как Стриженой принял заставу, а все не привыкнет к таким вот природным метаморфозам.

Внезапный порыв ветра рванул космы тумана, и провода антенны без обычной летней распушенности боязливо натянулись и тягуче залопотали: "Сты-нем, стынем". В тумане прошелестели чьи-то большие крылья.

И аистам не спится. Тревога разбудила птиц. Счастливая заставка, говаривали в отряде, на трубе гнездо аисты свили. А оно, гнездо это, Яде до войны было, а потом, еще при отце, когда он принял заставу, аисты вернулись.

Мысли об отце знакомым теплом толкнулись в сердце, и оно защемило застарелой болью.

Отец... Он погиб здесь такой же дождливой осенью.

Случилось это в тысяча девятьсот сорок девятом. Пограничники и истребительные отряды из местных комсо-

мольцев теснили и дробили банды националистов-бандеровцев. Самолеты выслеживали дымы костров в глухих лесах, местные жители проводили воинские подразделения сквозь непроходимые болота, крестьяне отказывали бандитам в продовольствии.

Осенью сорок девятого основные силы бандеровцев были разгромлены. Отдельные банды стали прорываться по указанию Бандеры через границу. Они стремились пробиться в Западную Германию. Самый короткий путь туда был через территорию Чехословакии. Прорыв осуществлялся сразу в нескольких местах.

Удар одной из банд пришелся на заставу капитана Павла Стриженого. Высланное подкрепление задержалось в пути – бандеровцы взорвали мост через горную реку. Застава, поднятая в ружье, заняла оборону на участке от старого замка до стыка с соседней заставой. Два часа длился неравный бой. Бандитов сдерживал ручной пулемет, за которым лежал сам начальник заставы. Его поддерживал огнем автомата сержант Ива Недозор. Древняя разрушенная башня замка прикрывала пограничников.

Оуновцы открыли по башне огонь из минометов, а выкатившийся невесть откуда грузовичок, обложенный мешками с песком, почти вплотную приблизился к развалинам замка, и оттуда застрочили из двух спаренных пулеметов.

Капитан приказал Недозору подорвать грузовичок с пулеметами, сам же сменил позицию и внезапно ударил по врагу

из-под козырька сохранившейся крыши.

Двумя связками гранат сержант подорвал бандеровский "броневик", но был ранен в плечо и в голову и потерял сознание.

Стриженой, трижды раненный залетавшими под каменный козырек осколками, продолжал сдерживать банду, пока пущенная бандеровским снайпером пуля не сразила его.

А вскоре подоспела помощь из отряда, и банда была почти вся поголовно уничтожена.

... "Тревожная" группа ждала во дворе заставы – лучший следопыт отряда Гомозков с неразлучным Мушкетом, рядовые Заборов и Колашник. Во дворе урчал мотором газик. Капитан заметил в кабине водителя Хачика Месропяна.

Через минуту они уже мчались сквозь косую пелену дождя.

"Так что же случилось в девятом квадрате?" – думал Стриженой. Вода скрыла следы на контрольно-следовой полосе. И каким же чудом заметил единственный отпечаток у ручья рядовой Агальцов! На девятом много воды – вот она разгадка: болота, ручей и дальше три озерца, и еще дождь, который сделал ручей полноводным, а болотца почти непроходимыми. Почти. На границе нет такого понятия. И не с божьей помощью перемахнул нарушитель КСП. Агальцов заметил след, когда, увлекшись погоней за шаровой молнией, вышел к ручью. Ручей на девятом близко подходит к КСП. Значит, нарушитель прошел по воде с сопредельной сторо-

ны и, пользуясь непогодой, дошел до ручья. А может быть, он даже заметал след. И вот ошибся. Один-единственный раз. И не заметил этого. Или не захотел заметить, не обратил на столь незначительный факт внимания. А вот глазастый Агальцов заметил след и поднял тревогу.

Капитан думал о совпадении. Агальцов увидел молнию и затем в том же квадрате обнаружил след. Какой же давности? След не мог быть старым, иначе его смыло бы дождем. Значит, след мог появиться сразу после молнии. Уж не с ней ли связано нарушение границы?

Стриженой в позапрошлом году сам видел шаровую молнию. Перед грозой. Огненный шар величиной с футбольный мяч, словно живое существо, медленно двигался над склоном горы, пока не пропал в ущелье.

"Нужно расспросить Агальцова, что же он видел с расстояния пятьсот метров, да еще в тумане. Но это потом. Главное сейчас – перекрыть выходы к шоссе, ведущему в город. Именно туда и будет стремиться нарушитель. Район заблокируют. Если нарушитель не успеет за полтора часа добраться до шоссе, что мало вероятно, то он в мышеловке. На что же он надеется? Может быть, на шоссейке его ждут с машиной и он идет по самой короткой прямой? И все равно ночью в лесу быстро не пойдешь. За полтора часа к дороге не выйти. Тогда что же?.."

Стриженой ставил себя на место нарушителя, искал выход и не находил.

Капитан годами приучал свой мозг в минуты наивысшего напряжения выполнять только одну работу – сопоставлять, анализировать, делать неторопливые выводы. Мысли образовывали как бы замкнутый круг: слышу, вижу, вспоминаю, сопоставляю и думаю, думаю, ищу единственно верное решение.

Стриженой никогда не считал нарушителей глупыми – тут сказывался опыт его предшественников и его собственный опыт. Он проштудировал сотни документов, лаконично повествующих о задержании, просмотрел огромное количество стенограмм допросов пойманных нарушителей, в свое время подивился их изощренности в подготовке перехода границы, их остроумным внезапным ходам. И теперь Стриженой понимал, что имеет дело с хитрым, коварным врагом, скорее всего, человеком местным, возвращающимся из-за кордона.

На небольшом, в сущности, клочке земли поведется ожесточенная борьба умов, характеров, опыта и интуиции. Капитан предполагал: нарушитель имеет резервный вариант на случай неудачи, возможен и обратный прорыв границы, поэтому он и поднял заставу по тревоге. Через час пробудится весь район, и круг замкнется. Отряды колхозных дружинников блокируют непроходимые чащи, протянутся цепью вдоль скалистых склонов, как бы отрезая полный тайн мир пограничной полосы от шумного, многолюдного мира городов и сел, от вечно живых артерий – дорог.

Солдаты из пограничного отряда, поднятые по тревоге, закроют все проходимые и непроходимые черные тропы, умело замаскировавшись, замрут, застынут в ожидании, чутко вслушиваясь в шорохи, отыскивая среди них тот единственный, который рождает шаг человека.

Стриженой знал, как редко случается на границе задержать настоящего матерого нарушителя. Иной прослужит всю жизнь, но так и не столкнется с человеком, который долгие годы готовился к переходу. Асы разведки не каждый день прорывают границу. Но ты готовишься к этой встрече всю жизнь, и, если настал твой час, ты отдаешь всего себя борьбе, поиску, схватке.

– Агальцов... – сказал Гомозков, нарушая раздумья командира.

– Где?

– Справа, в сорока метрах от поворота.

Капитан приказал остановиться и выскочил из машины. На темной стене леса тускло мерцала яркая точка. "Курит!"

Капитан выслушал доклад подошедшего пограничника, спросил:

– Курили?

– Курил, товарищ капитан, – опустил голову солдат, – заглохнул на одном месте, вода кругом.

– Гомозков, займитесь следом... А вы... – Стриженой смерил Агальцова строгим взглядом, – покажете место, где видели шаровую молнию.

– Есть... – Агальцов повел рукой в сторону болотца: – Сперва она пришла от границы, а дальше я не видел.

– Какая она была, когда вы ее обнаружили? Опишите...

– Когда увидел, вроде как фара у газика, только больше в размерах и поярче. Туман был, товарищ капитан... Много не увидишь. Хотя по манере все это напоминает Клода Моне, знаете, есть такой французский художник. Так вот у него Нотр-Дам написан в сплошном тумане, получилось вроде видения, ирреально все, вроде есть и вроде пригрезилось.

– А если без Моне?.. – усмехнулся капитан. – Не пригрезилась вам, Агальцов, эта самая молния?

– Никак нет. Я в том месте, где молнию засек, лес обследовал. Деревья в округе подпалены... Чувствуете, пахнет...

"Вот тебе и первогодок, – думал Стриженой, – и с обонянием у него полный порядок, и времени даром не терял".

Во влажном воздухе стойко держался запах горелого дерева.

Подошедший Гомозков доложил:

– След часовой давности, товарищ капитан, размер обуви сорок три, сапоги с подковами, новые. Рост нарушителя за метр восемьдесят пять, вес... вес за сто сорок, товарищ капитан, остальное только Мушкету известно.

– Так... Говоришь, с подковами сапожки. На счастье подковки приколотили, Гомозков, а? И вес... А может быть, нес он что-нибудь... След нужно искать, Глеб. По ручью ведь пошел.

– По ручью, товарищ капитан.

– Значит, где-нибудь выйдет. Возьмешь Агальцова – и вверх. Я еще побуду здесь – и вниз спущусь...

– "Попрыгунчик", товарищ капитан?

– Не знаю, Гомозков. Нужно посмотреть, что на КСП в ложбине. Держи связь с заставой. Там Недозор...

– Есть, держать связь с заставой.

Агальцов и Гомозков с Мушкетом неслышно растаяли в тумане.

Гомозков и Агальцов

Теперь они бежали, отстав друг от друга на добрую сотню метров. Впереди Гомозков с Мушкетом на длинном поводу, за ним – худой, жилистый Агальцов.

Собака взяла след, едва пограничники прошли полкилометра вверх по ручью. Два часа без передышки шел поиск. И вот надо же: Мушкет потерял след, кружил по поляне с тремя стогами сена, тыкался носом то в один стог, то в другой, жалобно скулил, потом сел, вывалив язык и тяжело дыша, словно бы моля об отдыхе.

– Ищи, Мушкет, ищи... Ну, Мушкетик... милый... уйдет ведь он...

Гомозков уговаривал собаку, поглаживая ее мокрую голову.

Далеко в горах высверкивали молнии, здесь же в долине ровно шумел дождь.

– Что? – выдохнул подбежавший Агальцов.

– Похоже, Мушкет след потерял... – угрюмо отозвался проводник.

Агальцов сразу поскучнел.

– Значит, спрашиваем – отвечаем... Как звали моего предка, который жил при Иване Грозном? Ответ – Лифантием...

– Ты бы лучше осмотрел местность, чем трепаться, – не

то приказал, не то попросил Гомозков.

– Ладно. Я сейчас залезу вон на ту сосенку и гляну разом на синий город Севастополь.

Агальцов слыл мастером турника. Вскоре его жилистое тело замелькало где-то возле самой вершины.

Гомозков устало присел на поваленный бурей старый дуб.

Надежда, что Мушкет снова возьмет след, не оставляла следопыта. Дождь, конечно, мешает собаке, но и еще что-то. Ведь след-то свежий, и что Мушкету дождь, если он не вынюхивает землю, как другие, а ведет проводника по запаху, оставленному чужим человеком в общей атмосфере данной местности.

Значит, что-то еще мешает собаке.

Гомозков знал, на какие ухищрения идут нарушители, чтобы замести след. Табак, рассыпанный на тропе, – самое простое. Гомозков встал, потянул ноздрями влажный плотный воздух. Его насторожил сам воздух. В нем таился какой-то запах, незнакомый, совершенно чуждый многочисленным лесным запахам. Словно жгли здесь недавно не то пробку, не то...

"Газ", – пришла внезапная мысль. Вот что мешает Мушкету.

Агальцов шумно прыгнул на землю.

– Нет, ты мне скажи, шотландцы носят комбинацию? А? Небо в мехах до самого Рижского залива, товарищ сержант. В полумиле, курс зюйд-вест, большая поляна, и на ней опять

же три стожка сена. Надо бы посмотреть...

– Посмотрим. Обязательно. Отдохнем чуток... Мушкет выдохся.

Агальцов удивленно уставился на товарища:

– Здесь он, твой дядя с подковами. И недалеко... Достанем... Ты вот лучше мне скажи, Алеша. Вроде ты и грамотен... Биографии великих людей читал, разные картины видел, а живешь не думая.

– А чего думать, если все понятно... К примеру, на сей момент: Мушкет твой едва плетется, потому что старшина лишний кусок мяса пожалел собачке.

– Потяни-ка своим длинным носом. Потяни как следует... – Агальцов шумно со свистом вдохнул в себя воздух. – Чуешь что-нибудь?

– А что? Костром вроде пахнет.

– В котором сжигали пробки из-под Прасковейского портовейна...

– Вроде так...

– Значит, не померещилось, – пробормотал Гомозков. Теперь следопыт был уверен: нарушитель где-то рядом. Он тоже не двуличный, устал и явно сбавил обороты, а чтобы сбить собаку со следа, пустил в ход последнее средство – баллончик с газом.

Гомозков взглянул на Мушкета. Тот зябко вздрагивал всем телом, лежа в кустах, и грустными глазами смотрел на хозяина.

– Нужно идти, – сказал человек собаке, и она послушно встала.

– Еще немного – и мы достанем его, Мушкет. Алексей, смотри в оба, автомат с предохранителя и... тихо. Пойдешь следом, дистанция пятнадцать метров... Вперед...

Гонда

Он исходил здесь каждую тропинку еще в детстве. В Мюнхенском центре знали, кого посылать для прорыва границы. Каких только кличек для этого человека не придумывали за рубежом! Сколько псевдонимов и фамилий сменил он за четверть века, работая по заданию службы "серого" генерала Гелена на территории Польши и Чехословакии! Давно кончилась война. Для него же она не кончалась никогда. В сорок девятом с остатками разбитой оуновской банды он бежал из родных мест, через территорию Чехословацкой республики пробрался в Мюнхен и работал в штабе Бандеры. Он и сам иногда забывал свою настоящую фамилию. И имя. Но не было человека на земле, по которой он сейчас шел, кто бы забыл его последнюю кличку – Марко Палач. Сейчас ему пятьдесят один год, но в плотном, плечистом теле угадывается незаурядная сила и ловкость, все так же зорки глаза и остер слух.

Он хорошо знал, как будут действовать пограничники. Ничего нового они не придумают. Заблокируют зону, перекроют дороги, обшарят старый полуразвалившийся замок. Найдут тело Цацуры, если он не успел уйти обратно и умереть на территории так любимой им Чехословакии. И начнут свой знаменитый прочес. Сеть будет плотной – тут и весь погранотряд, и заставы, и дружинники, и местная милиция.

Может быть, и еще кто-нибудь. А он не будет торопиться. У него есть время. Продукты. Уютный спальник на гагачьем пуху. А главное – логово, в котором он будет заниматься гимнастикой и спать, строго соблюдая режим, предписанный добродушным, веселым немцем по фамилии Веттинг.

В центре позаботились, чтобы он не походил на прежнего Гонду. Две пластические операции – пустяки в сравнении со страхом быть узанным.

Гонда не доверял никому. Не доверял и не верил. Это стало законом его жизни давно. Может, поэтому он и решился на довольно рискованный шаг – подслушать разговор тощего американца, прикатившего в дом под Мюнхеном перед самой заброской. Он предчувствовал, что разговор пойдет о нем. В тот день Гонда должен был бежать двадцатикилометровую дистанцию. Это входило в подготовку к переходу. Веттинг доверял ему и не контролировал, Гонда пробежал половину дистанции и скрытно вернулся к спрятанной в густом лесу вилле. Обмануть охрану не составило большого труда. Давно уже матерый агент изучил систему постов на подходе к дому. Рисковал ли он? Безусловно. Но он хотел знать, что думают о прорыве границы и о нем самом Веттинг и тощий американец. И он полз, затаив дыхание, к распахнутым окнам кабинета шефа мюнхенского отделения разведки Аларда Веттинга, словно переходил границу.

Разговор записался в памяти дословно. Тогда же он узнал фамилию американца – Фисбюри. Впрочем, это могла быть

и не настоящая фамилия.

Фисбюри. Я хотел бы повидать агента.

Веттинг. Получите его в полдень после кросса...

Фисбюри. Вы словно готовитесь к чемпионату мира по боксу...

Веттинг. В нашем деле и одна недотренированная мышца может все разрушить.

Фисбюри. И все же почему он?

Веттинг. Наш лучший агент. Знает местность – как это у русских? – как свои пять пальцев. Рожден в тамошних местах. Опасность быть узанным мы ликвидировали. Две операции сделали его неузнаваемым.

Фисбюри. И все же риск...

Веттинг. Он не сдастся. В любом случае пограничники получат только тело.

Фисбюри. Еще бы... такие грехи не замолить. Но я не об этом. Риск быть узанным – риск провала всей операции. Почему бы не попробовать в другом месте?

Веттинг. Именно на этом участке у агента на границе личный схрон. Никто, кроме Козырного, как мы предполагаем, об этом не знает. Запас продовольствия рассчитан на две недели. Больше пограничникам держать войска в зоне не позволят. И тогда Козырной спокойно покинет убежище и, замаскированный под грибника, Черным бором уйдет к шоссе. Иохим, когда нужно, умеет стать невидимым, хотя риск определенный есть... но ведь он есть всегда.

Фисбюри. С какого года существует схрон? И кто его построил?

Веттинг. Никто. Козырной нашел его еще в сорок седьмом году. Схрон – это скрытая пещера с тайным лазом. Лаз же служит и вентиляционной трубой. Кое-что Иохим за годы оуновского движения там переделал, но без свидетелей. Кстати, этот схрон дважды спасал его от "ястребков" – так называли в частях Бандеры истребительные батальоны Красной Армии.

Фисбюри. Кроме ненависти к Советам, что еще стимулирует Козырного?

Веттинг. Деньги. На его счет в Мюнхенском банке...

Фисбюри. Понятно.

Веттинг. Но это не все. Козырной вернется и... станет легендой, героем...

Фисбюри. Вы хотите "расшифровать" агента? Не рано ли? В случае удачи – годовой отпуск, пусть съездит в Штаты. Кстати, там и потратится... Соблазнов много. Вернувшись, он захочет заработать. И тогда...

Веттинг. Нужно быть благодарным таким людям, как Иохим. У него огромные заслуги и опыт, которого недостает молодым агентам. После возвращения Козырной останется работать инструктором в одной из разведшкол.

Фисбюри. Вы неисправимый альтруист, Алард... Но оставим это... Козырной пойдет с прикрытием?

Веттинг. Да. Сразу за контрольной полосой агент прикры-

тия двинется в противоположную маршруту Козырного сторону. Вода скроет следы. Через час он должен совершить обратный прорыв границы, чтобы дезориентировать пограничников, отвлечь их...

Фисбюри. А если его схватят?

Веттинг. И это тоже предусмотрено, сэр...

Фисбюри. Не слишком ли громкое кодовое название операции – "Взведенный курок"? Как это по-немецки?..

Веттинг. "Деспаннт Хан". Романтично и изящно... И соответствует действительности – у моего агента реакция взведенного курка. Вы можете убедиться в этом сами. К операции привлечены кроме "носильщика" еще двое: связной в городе, кличка Чибис, база и канал информации, и наш резидент в регионе Южного Урала... Но основная тяжесть по выполнению задания ложится на Козырного. Он должен проникнуть в расположение интересующего нас объекта, взять пробу грунта и ночью сфотографировать "новостройку"... А сейчас я хочу показать вам место перехода. Пройдемте к карте...

Гонда отполз от окна и вернулся на кроссовую тропинку. То, что он услышал, обрадовало его. Ореол героя, который прочил ему Веттинг, его не волновал. А вот годовой отпуск, деньги и возможность после возвращения осесть наконец на одном месте вполне устраивали агента. Гонда устал рисковать, хотя не хотел признаться в этом даже самому себе.

Вот и сейчас нервы на пределе. Ручей, по которому шел

Гонда, уводил в сторону от КСП. До схрона двадцать минут пути. Больше всего Гонда боялся сейчас, как бы не кончился дождь. Погода для прорыва была выбрана лучше не придумаешь. Дождь и туман. И все же Гонда прихватил с собой и порошок с ядохимикатом, и небольшую металлическую щетку для затирания следов. До замаскированного лаза от ручья нужно сделать пятьдесят шагов по горному склону. И каждый – след.

Агальцов

Взвизгнул Мушкет. И, словно споткнувшись, ткнулся мордой в землю. Гомозков мгновенно вскинул руки с автоматом к груди и тотчас почувствовал острейшую боль в левой, той, что успел прикрыть сердце. Вражеская пуля ударила в приклад и отрикошетила в кисть руки. Он упал между кочек так, как падают сраженные наповал точным единственным выстрелом в десятку.

"Бесшумный пистолет", – успел подумать Глеб, и тут же мысли его метнулись назад – ведь Агальцов идет шагах в двадцати за ним и через несколько секунд выйдет на кочкарник, на открытое пространство.

"Я не могу пошевелиться – он меня видит и думает, что я убит, – иначе вторая пуля. Что же делать?"

Он вдруг представил себе широкоскулое курносое лицо Агальцова с чуть раскосыми, всегда смеющимися глазами и совсем уже некстати вспомнил, как в первый же день своего появления на заставе Алексей заработал взыскание от старшины Ивы Недозора...

Стена, возле которой стояла койка Агальцова, буквально на следующий день оказалась оклеенной вырезанными из "Огонька" репродукциями.

– Это шо? – спросил старшина, увидев уголок Эстета.

– Вершина эстетического наслаждения, товарищ старши-

на, – невинно улыбаясь, с готовностью пояснил солдат. – Люблю, знаете, портретную живопись. Особенно восемнадцатый-девятнадцатый век. Какие люди жили! Ведь все в глазах прочитать можно... Умные глаза, знаете ли. И с достоинством. Рокотов, например... его серия портретов.

– Это шо таке? – грозно повторил свой вопрос старшина.

Агальцов молчал. И тогда старшина приказал пограничнику выйти во двор заставы. За ними потянулись любопытные.

Во дворе заставы Ива Недозор, торжественный и строгий, вскинул руку и обратил внимание солдата на сложенную из красного кирпича трубу. На трубе было гнездо аистов.

– Когда летит аист или даже стоит – это красиво. Живая красота, товарищ Агальцов. А знаете ли вы, товарищ эстет, что аисты жили здесь и до войны. Немцы заставу сожгли, а труба и печь остались. Мы вернулись – заставу отстроили... И красота в лице аистов обратно прилетела.

Агальцов смотрел на аистов и посмеивался.

– А теперь, товарищ боец Агальцов Алексей Иванович, идем до казармы, биографию будешь рассказывать.

– Да ведь она ж у меня в анкете изложена, товарищ старшина.

– В анкете – это правильно. Меня интересуют подробности.

На заставе знали эту привычку старшины въедливо интересоваться жизнью человека до призыва в армию. Наводя-

щих вопросов у Ивы Степановича было великое множество, и беседы продолжались с перерывами не одну неделю. Такой уж был у Недозора принцип – знать о солдате как можно больше.

...Жалобно и протяжно, как человек, застонал Мушкет.

"Живой! – мелькнула радостная мысль. – Где же Агальцов?" И вдруг... Не померещилось ли?

В стороне от стожков, на правом фланге, отчетливо слышался треск и шорох, словно там разыгрывалась кабанья схватка.

"С ума он, что ли, сошел?" – ругнулся про себя Гомозков и внезапно понял: Агальцов отвлекает на себя нарушителя, он обо всем догадался, когда взвизгнул Мушкет.

Ближний стожок вздрогнул. Маневр Агальцова удался. Нарушитель переключился на второго преследователя. Но шевельнуться Гомозков все равно не мог. Он лежал на открытом месте, и всякое движение было бы замечено.

А треск уходил вправо, вроде бы затихая, пока не смолк совсем. Гомозков догадывался, что сейчас сделаем Агальцов, – он ползком вернется к стожкам и затаится, ожидая, пока враг обнаружит себя. "Он вернется, потому что совсем не уверен, что я убит".

И не так прост этот ершистый смешливый парень. Есть в нем и хитринка, и сообразительность, и отчаянность, без которых не обойтись на границе.

"Не умирай, пока живешь", – вспомнил вдруг Гомоз-

ков любимую поговорку Агальцова и решился. Осторожным неуловимым движением протянул правую руку к выпавшему автомату.

– Глеб, живой ли? – услышал Гомозков откуда-то сбоку еле слышный шепот.

Следопыт не успел ответить. В наступивших сумерках от крайнего стожка метнулась высокая нескладная фигура человека. И тотчас ударил автомат Агальцова.

– Бей в ноги! – крикнул сержант и, вскочив, рванулся к нарушителю.

Человек бежал, словно пьяный. Его шатало, он делал неверные движения и, не оглядываясь, стрелял из пистолета наугад, посылая раз за разом пули в небо.

"Ранен, что ли?" – мелькнуло у Гомозкова. И тут преследуемый обернулся, тяжело взмахнул руками, выронил пистолет с длинным стволом, качнулся и рухнул на колени.

– Иезус Мария, они меня убили, – услышал подбежавший Гомозков предсмертный шепот человека в толстой непромокаемой куртке. И увидел его лицо. Оно было искажено страшной внутренней болью. Grimаса боли не разгладила черты и после смерти.

– Пуля? – спросил подошедший Агальцов. – Неужели моя?

– Нет. Скорее всего, цианистый калий, – угрюмо отозвался следопыт, – а может... Постой-ка...

Гомозков наклонился к мертвому нарушителю, достал

нож.

– Похоже, здесь сработал другой яд, – сказал он через минуту. На его ладони лежали две целехонькие ампулки с прозрачной жидкостью.

– Побудь тут. Я к Мушкету, он живой был, перевязать нужно...

Гомозков с сожалением осмотрел свою распухшую, контуженную пулей руку и достал индивидуальный пакет.

Мушкет был жив, но потерял много крови. Пуля скользнула по черепу, разорвала кожу и сильно контузила животное. Перевязав собаку, следопыт подключился к замаскированной в зарослях розетке и доложил на заставу о случившемся.

– Добро, Глеб, – сказал Недозор, – жди капитана, он рядом.

Гомозков вернулся на поляну, где Агальцов, сидя на корточках, рассматривал холодное, безжизненное тело.

"А ведь для него все это впервые", – вдруг подумал сержант и спросил:

– Обыскивал?

– Нее. Вот пушку осмотрел... Стрельнуть бы из нее... Интересные игрушки делают на Западе.

Гомозков прикрыл утомленные глаза, поморщился от ноющей боли в руке, негромко обронил:

– Спасибо тебе, Алексей, за выручку...

– Да ну, чего там, обыкновенное дело... Спрашиваем – от-

вечаем: сколько будет дважды три, умноженное на девять?..

Сержант усмехнулся, достал фляжку, глотнул ледяной колодезной воды.

– Ты знаешь, что однажды сказал один умный и старый человек о нашей службе? – Сержант помолчал, собираясь с мыслями, а может быть, вспоминая сказанное. – Нигде, как на границе, не чувствуешь, как дорог простой миг бытия, дорог друг, глоток свежей воды. Нигде, как на границе, не познаешь, как неестественны трусость, ложь и лицемерие, как они бессмысленны. Только на границе людям часто случается видеть собственную смерть – в облике ли respectable гражданского человека, или озверевшего, готового на все бандита. За годы службы на границе этот человек видел сотни смертей...

– Недозор, что ли? – догадался Агальцов.

– Да. Ива Степанович... Вот ты сегодня первый раз видел свою смерть. – Гомозков кивнул на мертвого нарушителя: – Он мог тебя убить...

– А тебя?

– И меня. Но не в первый раз...

– Ладно. Что не случилось, то не считается, – весело сказал Агальцов. – Думаю, что этот гигант был не один, товарищ сержант, а изображал из себя Буцефала, проще говоря, лошадь Александра Македонского. Но седок не оставил лягря...

– Чего не оставил? – вскинулся Гомозков.

- По-французски ля тряс – след. Так седок его не оставил.
- Разбираешься... – задумчиво протянул следопыт.

Гомозков и капитан Стриженой

Дождаясь капитана, Гомозков не сидел без дела. Укутал Мушкета в бушлат, обшарил на всякий случай поляну в поисках следов. Не обнаружив таковых, вернулся к мертвому нарушителю и тщательно обыскал его. Две полные обоймы к бесшумному пистолету, плитка черного шоколада, белые таблетки в целлофановом пакете, сигареты "Мальборо", стеклянная плоская фляжка с коньяком. И никаких документов. Похоже, на прогулку собирался человек.

Для Гомозкова сегодняшний поиск – повторение пройденного. И все же этот долгий бег по лесу и короткая схватка на поляне как бы заново волновали следопыта, заставляли взглянуть на себя со стороны, оценить каждый шаг, выявить ошибки. На поляну он выскочил опрометчиво. То, что торопился достать нарушителя, – не оправдание. Возможность засады нужно было предвидеть и обойти стожки по кромке леса. Капитан, конечно, выскажется по поводу контузии и ранения Мушкета.

Строг Стриженой, но справедлив. А последнее время совсем засуровел капитан. И тому есть причина. Уехала жена. Красивая женщина, ничего не скажешь. Полгода всего и прожила на заставе. По его, Гомозкова, рассуждению, женщине на границе делать нечего – никаких тебе развлечений. Пообщаться, поговорить – разве что с Агальцовым. Капитан

весь в делах и заботах, участок-то трудный, ох трудный. Гомозков знает это по себе, на таком участке не заскучаешь.

И опять же привычка. Кто вырос в большом городе, тому к пограничной тишине трудно привыкнуть, а тут иной раз комара слышно. Случаются тревоги, так тоже для городского человека не сахар. Шум среди ночи, газики ревут, солдаты топают, команды рвут эту самую пограничную тишину. Захочешь потом уснуть – не уснешь. Все равно ждать будешь: что там, как там? Большой город, большой город... Гомозков и сам тосковал иногда по своему Саратову.

С капитаном у сержанта сложились дружеские, добрые отношения: вместе решали шахматные задачи, до которых Стриженой был охоч, вместе думали, как плотнее закрыть границу, вместе бегали тренировочные кроссы – готовились к тому, что случилось сегодня.

Серьезный, хитрый, дерзкий прорыв. И то, что нарушитель отравлен медленно действующим ядом, подтверждало опасения следопыта – где-то затаился второй, тот, что не оставил следа. Придется вызывать отрядного проводника с собакой. И пройти по обеим сторонам ручья. Дождь и время – вот что работает на второго. А может быть, вспугнутый боем на поляне, он уже выскользнул за рубеж.

Обследовать контрольно-следовую на всем протяжении – такую задачу поставит капитан, если уже не распорядился осмотреть КСП.

Капитан с Заборовым вынырнули из зарослей с юга, отку-

да Гомозков их не ждал. Вымокшие до нитки, словно их окунали в глубокую воду, Стриженой и Заборов привалились к крайнему стожку, давая отдых натруженным ногам, и не спеша закурили – сначала капитан, потом солдат.

Стриженой выслушал доклад Гомозкова. Недовольно нахмурился, узнав о ранении Мушкета, и подошел к лежащему на боку нарушителю.

– "Мальборо", говоришь, и коньяк... На пикник собирался... И заметь, Гомозков, погоду для этого выбрал подходящую. "Лошадка", что и говорить, мощная... И все же не поверили "там", что при крайней необходимости человек этот воспользуется ампулами с цианом, подстраховались... ровно настолько, чтобы дать второму уйти, а "носильщику" наследить...

– Выходит, "рядовой" тут лежит, а "генерал" ушел, – вставил Гомозков.

– Выходит так, Глеб. Отряд поднят по тревоге, дружинники тоже не спят... – Капитан аккуратно спрятал окурки в портсигар. – Куда ж ему деваться?..

– Возьмем, товарищ капитан, – улыбнулся Гомозков. – Вот только дождь некстати...

ГОМОЗКОВ

Дождь размыл контрольно-следовую полосу до стыка с соседней заставой. В низинах стояли огромные лужи, и ни о каком прочтении следа не могло быть и речи. В двух местах дикие свиньи так вспахали полосу, что даже Гомозков только развел руками, глядя на глинистое месиво. Отрядный следопыт Тарас Карун с собакой Найдой метался вдоль КСП, поглядывая на высокое начальство с опаской, но все это были дежурные пустые хлопоты. Собака, как и предполагалось, след не взяла.

Офицеры из отряда во главе с начальником штаба подполковником Жуховым поглядывали на Гомозкова, ожидали, что скажет лучший следопыт. Они прошли пешком весь участок, подолгу ждали, пока сержант колдовал над мало-мальским отпечатком на залитой водой КСП. То он долго измерял и исследовал лунку, образовавшуюся на самой середине полосы, то уходил немного в тыл и просил Каруна поработать с Найдой. Гомозков едва не стер колени, ползая вдоль размытой ручьями, побитой косыми сильными струями дождя КСП.

Он двигался впереди группы, чтобы видеть дозорную тропу чистой, незатоптанной, и остро чувствовал отсутствие Мушкета. Нет ничего хуже слепого поиска. Гомозков не верил в обратный прорыв. Предчувствие подсказывало ему,

что второй где-то рядом, затаился и ждет, пока затихнет шум, поднятый дерзким нарушением.

А шуметь бы не нужно. Все должно быть наоборот, тихо, незаметно, без суеты. Засады на тропах, ведущих в тыл, наглухо закрытые подходы к шоссе. И ждать. Второй сам обнаружит себя. Сколько можно сидеть в убежище? День, два, неделю. Выходить-то все равно придется. Прочес силами отряда, соседних застав и сельских дружинников не дал желаемого результата. Ни следа, ни даже намек на след, ни малейшей детали, которая хоть как-то сказала бы, что второй здесь, в этих четырех квадратах леса, гор и болотцев.

Гомозков все чаще возвращался мыслями к ручью, куда первоначально направился "носильщик". Разгадка исчезновения второго крылась где-то здесь. Но ведь сержант сам пропахал чуть ли не на животе пространство, примыкавшее к ручью. Проклятый дождь. Ливень смыл всякое подобие следа.

– Ну что? – спросил Жухов, как только следопыт вернулся к кабаньим следам.

– Обратной дороги не было, товарищ подполковник, – твердо сказал Гомозков.

– Может быть, ты и прав... – задумчиво произнес Жухов, – но все же стопроцентных гарантий нет. А?

– Их почти никогда нет, товарищ подполковник... Но в данном случае... такую погоду использовали для прорыва, и вдруг обратно... И смерть "носильщика"... Человеком по-

жертвовали...

– Все правильно, сержант, – сказал подполковник, – боюсь только, не спугнули ли вы с Агальцовым второго стрельбой у стожков. Ведь прорыв-то рассчитан был чисто, шум в планы не входил.

Гомозков слушал Жухова и думал о Мушкете. Ему нужно было подтверждение своей версии, а подтвердить ее мог только старый четвероногий друг, которого он так неосторожно подставил под пулю.

Поважный

Начальник отряда Серафим Ильич Поважный сидел в комнате Стриженого напротив хозяина и сокрушенно покачивал бритой головой.

– Что же получается, Андрей Павлович? – хитро помаргивая большими, чуть навывкате, глазами, говорил Поважный. – Нарушитель глотнул яду на сопредельной стороне, а к нам пошел умирать...

– Он всего лишь "носильщик", товарищ полковник, – спокойно сказал Стриженой, – опасного человека нес. Думаю, ему не хватило времени нарушить границу в обратном направлении...

– Все это так, товарищ капитан. От вашего Гомозкова убежать трудно. И мы теперь знаем, что "носильщик" был с грузом. Где второй? – Полковник остро взглянул на Стриженого, насупился: – Выкладывай свои соображения, и без фантазий.

– Есть, выкладывать соображения, – подчеркнуто серьезно сказал Стриженой. – Тщательное изучение обстановки, данные поиска, анализ следов на контрольно-следовой полосе – все говорит за то, что второй нарушитель проник далеко в наш тыл до того, как был заблокирован участок.

– На крыльях он летел... – сыронизировал Поважный.

– Может быть, и на крыльях, – невозмутимо отозвался ка-

питан, – а может быть... Ему ведь важно было выиграть время. И если он местный, а Гомозков считает его таковым, то к шоссейке нарушитель бежал кратчайшим путем.

– Так уж и бежал все двадцать километров... – проворчал полковник.

– Гомозков это расстояние покрывает за час с небольшим, тренированный человек с хорошо поставленным дыханием сможет пробежать дистанцию быстрее...

– Ночью, в дождь, по скользким тропам... – усмехнулся Поважный. – Фантазируешь, Андрюша... Вари свой знаменитый кофе и прикажи принести сюда карту участка. Будем ставить точки на уязвимых местах, искать и думать. Я не верю, как, впрочем, и твой Гомозков, что нарушитель ушел обратно за кордон. Не за тем его послали. Кроме того, наши чехословацкие друзья предупреждены и дали бы знать. Твоя версия ближе к истине, но и в ней не все сходится. Есть думка, что он затаился. И сделал это так хитро, что мы прошли мимо. Нужно бы как следует посмотреть все крупные деревья, пригодные для оборудования "гнезда". На участке много столетних грабов с большими дуплами. А кое-где прощупать землю, как делали это в сорок седьмом и сорок девятом, когда искали оуновские схроны. И развалины замка. Они хоть и на виду, но стены простучать еще раз нелишне. Кстати, в хозяйстве Недозора есть сарай для сена или чего-то там еще. Стоит на отшибе. Небось не догадались заглянуть?

Стриженой улыбнулся.

– Не шучу, – сказал полковник. – Загляни и сделай это осторожно. Не было в твоей практике? А в моей было. Так что считай, что я приказал осмотреть сарай.

– Есть, осмотреть сарай...

Поважный наблюдал, как Стриженой разжигал крошечную спиртовку и потом колдовал с джезвой, засыпая в нее из банок смолотый кофе и сахар.

– По-турецки, товарищ полковник?

– Давай по-турецки... Главное, чтобы покрепче... Когда еще к тебе в гости выберешься...

Начальник отряда маленькими глотками отпивал кофе и разглядывал карту участка, принесенную расторопным Агальцовым.

Поважный служил в отряде с конца войны. Начинать начальником заставы. Как говорится, знал службу изнутри. Порой был резок, вспыльчив, но вряд ли кто за долгие годы сделал для границы столько, сколько он. Рассказывали, что Поважный мог нарисовать словесно, как выглядит каждый погранзнак района и когда его подновляли последний раз. Лощинки, бугорки и неглубокие ущелья в счет не шли. Граница долгие годы лепила и закаляла этого человека, учила выдержке и воле.

И сейчас он сидел и хмурился, растирая бугристый лоб ладонью, словно хотел стереть многочисленные глубокие морщины – следы давних ночных раздумий. И Стриженой подивился внезапно переменившемуся лицу Поважного – на нем

застыло выражение твердости и холодной вдумчивости.

– Расширим петлю на двадцать километров по окружности и будем снова тщательно прочесывать местность, каждую щель, каждую копешку и каждое дупло. Шоссе закроем до конца поиска. Щупы привезут саперы. Гомозков возглавит поиск, пусть ищет так, как подсказывают ему опыт и интуиция. Выделить ему в помощь двух следопытов с собаками. – Поважный положил тяжелую руку на карту. – Нет у нас альтернативы, Андрей Павлович. Волк заброшен к нам матерый и, по всему виду, живым не дастся.

– А если повторный прочес окажется холостым? – осторожно спросил Стриженой.

– Не окажется. Не должен оказаться. Будем искать, если нужно, неделю, а то и две. Мы отвечаем за границу. И должны использовать все средства...

Поважный запнулся, по лицу его прошла легкая судорога, и он, стряхивая с себя суровость, улыбнулся и весело спросил:

– Ксения Алексеевна в гости не собирается?

– Мама написала, что приедет в конце месяца, перед выездом даст телеграмму.

– Опять Недозор встречать будет?

– Он, Серафим Ильич. У них с матерью традиция – обязательно пройти через Черный бор.

– Да-а, – протянул полковник. – Такая уж удивительная женщина, Ксения Алексеевна. Всегда завидовал твоему от-

цу... Рад буду встрече. Меня-то она первого навестит, тоже, знаешь, по традиции – первому представляться начальству. Давай-ка еще по чашечке твоего знаменитого да поеду к соседям...

Агальцов и Гордыня

Прошло двенадцать суток, как поднятые по тревоге пограничники вели поиск. На тринадцатые пришел приказ: отряду вернуться на исходные. Массированные прочесы, засады на тропах не дали результатов. Но заставы продолжали жить напряженной жизнью. Стриженой с "тревожной" патрулировал близкий тыл, оставив секреты на лесных потайных тропах; спал урывками, проводя все время на участке. Он не верил установившейся тишине. Гомозкову прислали Барса – широкогрудого красивого пса, и пограничник пропал с ним у разбухшего от дождей ручья, на что-то надеясь, а может быть, просто приучая собаку к заболоченному квадрату земли.

После длительных проливных дождей наконец установилась теплая солнечная погода. Ефрейтор Иван Гордыня и Агальцов совершали очередной дозорный поиск в ближайшем к КСП тылу. Молчаливый не улыбочивый Гордыня шел впереди головным дозора и всматривался в полегшую, уже начинавшую жухнуть траву. Всякую пограничную работу он делал сосредоточенно и добросовестно. А работы этой на границе Иван переделал за два года столько, что вспомнить приятно. У себя в колхозе Гордыня слыл отличным трактористом, и здесь, на заставе, никто лучше его не мог вспахать и заборонить ленту земли, называемую контрольно-сле-

довой полосой.

Иван умел сложить печь, поставить дом, настлать пол, сварить отменный обед на всю заставу. Он пользовался безграничным доверием старшины Недозора и уважением всех, кто жил с ним бок о бок, ходил в дозоры, мчался в газике, когда вспыхивал тревожный свет сигнала на пульте дежурного.

Сзади бесшумно скользил Агальцов. Почти две недели поиска иссушили его и без того поджарое тело, под глазами залегли синие тени. Он сдружился с Гомозковым и по его рекомендации стал "верхолазом". Следуя по маршруту, он выбирал самое высокое дерево и делал его своеобразной обзорной вышкой – взбирался на самую вершину и надолго замирал там с биноклем. Придумка Гомозкова позволяла вести наблюдение за обширным квадратом территории, где всякое движение должно быть замечено.

Агальцов облюбовал старый, в три обхвата, бук с раскидистой кроной.

– Стой! Смири гордыню, о Гордыня, ты будешь рядовым отныне... – громким шепотом продекламировал пограничник.

– Ну и трепач, – восхищенно пробормотал ефрейтор.

Захлестнуть веревочную петлю на толстом суку было делом привычным и не заняло много времени. Когда Агальцов исчез среди ветвей, Гордыня бесшумно лег в траву.

Агальцов устроился на вершине бука почти с комфортом – крона оказалась своеобразным зеленым, слегка пружиня-

щим креслом. Алексей подстраховал себя веревкой и крутнул на бинокле барабанчики наводки. Сильные стекла-линзы мгновенно приблизили дальнюю кромку Черного бора, блеснувшее зеркальце небольшого озерца. Некоторое время Агальцов всматривался в просеку, ведущую к шоссе, потом развернулся в "кресле" и обратил свой взор на юг. Взгляд его заскользил вдоль ручья и дальше – к знакомой ольхе, где он две недели как обнаружил след.

С такого ракурса Алексею еще не приходилось просматривать склоны ручья. Он взял выше – там, где склоны холма падали почти отвесно, – и увидел щель. Она лежала, как рубец на теле горы. Ее словно нарисовали. Агальцов увидел большие царапины на гладкой каменистой поверхности склона и догадался, что все это проделал камнепад, вызванный ливневыми дождями. Камнепад что-то сдвинул в огромном теле горы и образовал щель. Агальцов был уверен, что сможет просунуть туда руку по локоть. Смутная догадка пронзила мозг: "Может быть, это..."

Алексей зашпешил вниз. Он только и сказал, отвечая на удивленный вопросительный взгляд Гордыни:

– Теперь быстро...

Никогда в жизни Агальцов не бегал так быстро. Тяжелый ефрейтор безнадежно отстал. Алексей успел крикнуть ему, чтобы тот подключился к розетке и сообщил на заставу о возможном убежище второго нарушителя на крутом склоне возле ручья.

Агальцов не был до конца уверен, что открыл убежище второго, но что-то подсказывало ему – тревога будет поднята напрасно.

Чувство опасности заставило его залечь на подходе к склону. Остаток пути Алексей проделал ползком, сняв автомат с предохранителя. Пограничник уже поднялся, чтобы сделать последний рывок к щели, когда увидел след. Он был еле заметен на скользкой хвойной подстилке, но дальше, в низине, где подстилку смыло дождем, след отчетливо пропечатался, и, припав к земле, Алексей различил его – он уходил от склона в наш тыл. Значит, второй ушел, и бункер пуст. Все еще не веря в неудачу, Агальцов взбежал по склону и рванул сдвинутый камнепадом обломок скалы, скрывающий лаз в пещеру. Заглянул внутрь и отшатнулся – таким смрадом ударило из каменного схрона. И все же, преодолевая тошноту, он спустился в пещеру.

В ней не было ничего, если не считать спального мешка и с десяток пустых консервных банок.

Агальцов выбрался наружу и достал из подсумка ракетницу. Выпущенные подряд две красные ракеты вонзились в небо, оповещая границу о новой тревоге.

Старшина Недозор

Ива шел ходким ровным шагом, радуясь возможности побыть наедине с лесом. Извечное чувство пограничника – тревога – не оставляло старшину, и поэтому Недозор заметил след, ведущий к росстани. Там, где земля не была прикрыта прошлогодней листвой, четко, словно печать, выделялся совсем свежий след. Человек, обутый в спортивные туристские ботинки сорок четвертого размера, прошел здесь каких-нибудь десять минут назад.

"Лесничий", – подумал Ива и тут же прогнал нелепую мысль. Лесничего Ивана Сороку старшина знал едва ли не с молодых лет, и, сколько Ива помнит, тот всегда был в сапогах.

Может, кто из приезжих забрел... По грибы... Надо бы поговорить в сельсовете, а может, и на общем собрании, чтобы приезжих гостей без сопровождения местных в лес не пускали. Так, чего доброго, и к контрольно-следовой прибредут. Опять же тревога, выяснение личности и все прочие формальности. Прав капитан Стриженой, сказавший на прощание: "Черный бор сейчас не тыл, а самая что ни на есть граница. Быть внимательным и осторожным. Считать себя в поиске".

Трава в лесу не успела пожухнуть, но была вся покрыта палым листом, желтым, буровато-красным. Та же листва, что

осталась на деревьях, сильно поредела и истончилась, и только кусты стояли нетронутыми, иногда темно-зеленые, как летом, а иногда багряные или с оттенком меди.

Ива вошел в чащобу. Лес обласкал его влажным теплым дыханием. Гушар гушаром лес, полон загадок и тайн. В самой середине его открылось озерцо. Солнце сюда не доставало – такой рослый дубняк с разлапистыми грабами вокруг, – и оно лежало притемненное, таинственное, как сказка. И совсем уж как в сказке, бродили на другой стороне озерца две белые кобылицы и рыже-огненный жеребенок. Чуть позвякивали колокольца от ботал.

Ива застыл от восхищения. Он не знал и не понимал живописи, зато умел ценить живую красоту природы. А то, что он видел, было невероятно и прекрасно – тихое прозрачное озерцо и белые лошади с неспутанным, резвящимся, рыжим, как огонь, жеребенком.

Ива подошел к озерцу, зачерпнул в пригоршню воды, умылся, а потом и напился.

Лошади были с кордона. Иван Сорока выпустил их на луг, что примыкал к озерцу, полакомиться последним разнотравьем.

От солнца ли, томливо висевшего в безоблачном синем небе, от лесных ли осенних запахов, оттого ли, что увидел он двух кобылиц и рыжего жеребенка, по всему телу Ивы тихо разливалась нежащая лень. И мысли его неспешно вязались в нехитрый узор. Вспоминалось прошлое. Настоящее-то, по-

вседневное было просто как необходимость. А думать о прошлом он любил. Да и человека он шел встречать из прошлого – породнились они в том памятном бою пролитой кровью, а она, та кровь, может быть, роднее родной.

Ксения Стриженая приезжала на заставу каждый год, и всякий раз осенью. Для Ивы ее приезд был настоящим праздником. И по давнему уговору встречал он ее на развилке трех дорог, где Ксения Стриженая высаживалась из отрядного газика и ждала его у столетнего граба, выбежавшего на большак да так и застывшего часовым на перекрестке.

Потом они вместе шли к заставе, пересекая угрюмоватый Черный бор, разговаривая о новостях, о жизни и о разных разностях, накопившихся за целый год. И если бы кто увидел их со стороны, подумал бы: вот встретились брат с сестрой, и нет у них другой заботы, как наговориться вдосталь, полюбоваться друг другом, порадоваться, что живы еще и держатся на земле крепко.

Ива любил осень грустью своего одаренного, счастливого сердца. Любил слушать печальный монотонный шум дождя. Когда он шумит, всегда думается, как хорошо, что есть крыша над головой. Может, потому, что Ива вырос в деревне и детство его прошло возле тихой и теплой реки, любил старшина желтое жнивье, сосновые перелески и робкие незаметные тропки в чащобах.

Но больше всего на свете любил Ива лошадей. Когда он видел лошадей, он вспоминал детство, ту счастливую раско-

ванную пору, когда мир кажется светлым и чистым, а люди в нем красивыми и добрыми.

Когда же это было, и было ли все так, как представлял себе свое детство старшина сейчас, отгороженный от него четырьмя десятками лет, кровопролитной войной и строгой беспокойной службой на границе?

"Самый старый в отряде я, – думал о себе Недозор. – И полковник Поважный давно приглядывается ко мне, но что-то мешает ему сказать прямо и строго: "Пора уходить в отставку, товарищ Недозор".

И то правда, пора. Последние три года Ива чувствовал себя неважно. Не то чтобы где-то болело – так, легкое недомогание, а после бессонной ночи ныло в левой стороне груди.

"Неужели сердце сдает? – думал Недозор. – Отдохнуть бы надо, на курорт, что ли, съездить".

В последнем поиске, когда старшина возглавлял "тревожную", случился конфуз. Искали забредшего с сопредельной стороны крестьянина (это уже потом выяснилось, что он крестьянин). Час длился поиск. Мушкет взял след, и Гомозков оторвался от группы. Старшина знал способности следопыта вести "куцевский" бег, но далеко отставать нельзя, и Недозор приказал прибавить ходу. На втором километре он остановился, удивленно посмотрел на догонявших его пограничников и замертво рухнул на землю, так и не поняв, что же произошло.

Но все обошлось. Придя в сознание, Ива приказал обо-

им пограничникам следовать за Гомозковым и, может быть, впервые в жизни соврал, что подвернул ногу.

Старшина лежал на мокрой после дождя земле с таблеткой валидола под языком и слушал свое сердце. Оно билось натужно, словно кто-то сдавил его сильными пальцами и забыл потом разжать их.

Ива впервые за долгую жизнь испугался. Съездил в город в платную поликлинику. Врач, низкорослый тщедушный человек с неправдоподобно белой шевелюрой, долго и внимательно слушал бухающее в груди сердце, потом так же тщательно исследовал длинную бумажную ленту с непонятными Недозору чернильными закорючками и наконец изрек: "Страшного пока ничего нет. А вот покой нужен. Покой, понимаете, милейший? Пора. Займитесь огородничеством, больше спите. У вас есть семья?"

Ива не ответил, поблагодарил доктора, взял выписанные рецепты, а перед самым уходом спросил: "Если выдерживать режим, пройдет ли болезнь?" На что доктор вежливо заметил: болезнь Ивы – это возраст, и неприятные ощущения останутся теперь до конца дней.

"А в каком дне он, этот конец", – сердито думал Недозор и решил не думать больше о болезни. Просто жить как жил. Только для лекарств вшил Ива внутрь бриджей небольшой карманчик и заполнил его самыми эффективными современными препаратами. А чтобы сберечь их подольше, сделал старшина нечто вроде кожаного кисета и не расста-

вался с ним ни днем ни ночью.

Недозор снова углубился в чащобу. Набухшая влагой старая кора сосен и грабов здесь была черной. И весь лес казался подкрашенным сажной краской до половины своей высоты. А там, где кора была молодая, деревья казались бронзовыми.

Ива шел теперь не спеша и тихонько напевал полюбившуюся еще с войны песню:

*Матуля, я тут завтра не буду,
Искай меня, где сонейко взойдет.
Буду за него я биться,
Чтоб в полон не отдать.
Или могилу мне отроешь,
Или враг туда войдет.*

На примятую жухлую траву старшина и не обратил бы внимания, если бы не пепел, сразу сделавший травинки седыми. Он склонился над ними и увидел на земле характерное, едва заметное углубление. Человек сидел здесь, отдыхая, и курил. Нет, не курил, а что-то сжигал – для одной сигареты слишком много пепла.

За долгие годы, проведенные на границе, у Недозора выработалась привычка придавать значение пустякам. Вот пепел. И не где-нибудь, а в самой чащобе Черного бора. Вроде бы и от границы далеко, а если прикинуть, то и не так уж далеко.

Знакомый след старшина обнаружил нескоро. Человек,

оставивший пепел, шел по густотравью, пока мог, обходя лысинки и взгорбки, где исходила легким парком голая влажная земля. Может быть, он нарочно брел вот так наугад по разнотравью. Если он городской житель, то его понять можно. Обалдел от тишины и первозданное™ природы, почувствовал себя робинзоном и рванул по чащобе, чтобы трава по колено.

И все же старшине хотелось увидеть след. И он увидел его снова на краю оврага, где трава была скошена до самой кромки, и обойти эту своеобразную КСП робинзон не мог. Если он, конечно, хотел спуститься в овраг. А он это и сделал. Ива склонился над жнивьем. Все тот же след от спортивных ботинок с низкой рифленой резиновой подметкой – сорок четвертого размера. Вот ведь как устроен человек. Теперь Иве захотелось увидеть владельца столь шикарной спортивной обуви.

Ничего предосудительного не было в том, что человек решил спуститься в овраг. Только Недозор подумал о том, что оврагом можно скрытно выйти к ближнему проселку, а такое знает только человек местный или хорошо знакомый с окрестностями. Нет, Ива не стал смеяться над своей подозрительностью. Он принял всерьез возможность встречи с незнакомцем и переложил макаровский пистолет из кармана брюк в карман кителя, предварительно сняв его с предохранителя и дослав патрон в ствол.

Теперь старшина, осторожно ступая, шел вдоль оврага,

стараясь держаться за кустарником. Он знал, что рано или поздно незнакомец станет выбираться из этого похожего на гигантский туннель оврага. Можно было бы опередить робинзона, прибавить ходу и перекрыть ему выход на проселок. Но старшину останавливала мысль, что незнакомец может раньше покинуть овраг и тогда все ожидания его на выходе будут напрасными.

Ива даже почувствовал нечто вроде легкого азарта. "Увижу, проверю документы и... спрошу про пепел. Судя по размеру обуви и по глубине следа, мужчина крупный. Гомозков бы точно определил и рост и вес, он ведь профессор по этой части", – думал Недозор.

Вначале старшина услышал легкое отдаленное вжиканье – так отмахиваются ветками от комаров. Потом услышал треск и шорох, а вскоре и тяжелое дыхание человека, слегка запыхавшегося от быстрой ходьбы.

Ива лег в кусты так, чтобы видеть край оврага.

Широкоплечий, плотный человек вырос из овражного полусумрака, не спеша отряхнулся и, не оглянувшись, твердо зашагал едва заметной тропкой по самой кромке.

Ива успел хорошо рассмотреть его, пока незнакомец не повернулся спиной. Одет он был как истый горожанин – в синий недорогой джинсовый костюм, на голове легкая белая пляжная фуражка с Длинным козырьком, в руках лукошко, полное грибов.

"Вот так-то, бдительный старшина Недозор, – усмехнулся

Ива. – Человек грибы собирал, а ты его шпионом сделал".

И вдруг старшину будто током ударило. На незнакомце не было ботинок. Он уходил по тропе в обыкновенных резиновых сапогах, в которых ходят в лес все мало-мальски уважающие себя грибники...

"Что за черт, – думал старшина, – ведь ясно же я видел след спортивного ботинка. Переобулся он, что ли? А где же ботинки?" Кроме лукошка, в руках у человека ничего не было.

И все же, прежде чем броситься вдогонку за "грибником", старшина осмотрел этот второй, новый след. Сомнений не было: человек переобулся. И сделал это в овраге.

"Робинзон-то, видать, с Гавайских островов", – чувствуя привычный холодок в груди, подумал Ива. Он ускорил шаг, решив не окликать незнакомца, пока не подойдет к нему вплотную.

Ива, может быть, и не узнал бы никогда эти глаза, если бы однажды не видел их так близко. Тогда они смотрели в упор и полосовали старшину огнем ненависти, ибо не было в руках у Гонды оружия. А случилось такое тридцать лет назад без малого, когда пограничники вместе с отрядом "ястребков" брали банду Садового. Банда была прижата к непроходимому болоту, и деваться ей было некуда.

Тогда, в пылу боя, и после, когда гнали пленных к машинам, не знали, кто есть кто – все в ватниках, все бандиты. Опознать Гонду было некому, а если бы такое случилось, на

три мушки сразу приказал бы взять его майор Кальянов, командир оперативной группы. А уж он-то, Ива, глаз бы не спускал с надрайонного "проводника" Иохима Гонды, прозванного за чрезвычайно изощренную жестокость Палачом.

И сейчас это были глаза хищника, готовившегося к прыжку. Они не изменились – узкие, как щели, белые от страха и ненависти глаза убийцы, хотя лицо было другое, совсем не похожее на лицо Иохима Гонды.

Ива отступил на шаг, и это спасло его. Гонда резко взмахнул рукой, и в ней блеснула сталь клинка. Он, конечно, слышал шаги сзади и давно приготовился к неизбежному оклику и встрече. До последнего момента, пока не скрестились взгляды, у Гонды не было уверенности, как ему поступить, – догонявший его человек мог быть просто сельчанином, прохожим, лесничим, наконец. И на этот случай были разработаны различные легенды – кто он и откуда.

Гонда не узнал старшину, но понял по выражению глаз пожилого пограничника, что узнал. Узнал! Случилось то, чего больше всего опасался один из бывших главарей бандеровской службы безопасности.

Пожилой сивоусый человек должен умереть быстро и тихо, без выстрела. Не для того он таился в личном схроне, чтобы будить Черный бор выстрелами. Крик не в счет – в этом лесу он глохнет, как в колодце. А в том, что сивоусый будет кричать, Гонда не сомневался. Счет будет идти на секунды. Пауза и так затянулась. Гонда прыгнул вперед, словно

его сильно толкнула земля. Нож полоснул пустоту. Неуловимым движением сивоусый сместился в сторону, и Гонда по инерции проскочил мимо, но тут же мгновенно развернулся и вдруг увидел холодный зрачок пистолета. Уже автоматически рухнул на край оврага, из которого выбрался минуту назад, рванул сильное тело в сторону, услышал запоздало сухо треснувший выстрел и покатился в спасительный сумрак оврага, набирая скорость, точно огромный валун, сброшенный с покато́й горы, — ломая кустарник, подминая под себя тонкие стволики берез.

Пауза в три секунды. Какое гигантское время уместилось в ней для Недозора! Целая жизнь. И еще ее продолжение. Он скатился в овраг вслед за Гондой и не успокоился, пока не увидел в полусумраке мелькающую тень человека.

Гонду выдавало движение. Бандит знал, что стоит ему замереть, застыть на месте, и он растворится, исчезнет из поля зрения сивоусого пограничника. Но страх был сильнее, он толкал Гонду все дальше и дальше вдоль знакомого ручья.

Овраг перешел в пологий подъем, и Гонда выпрыгнул на свободное от кустов пространство, надеясь быстро достигнуть спасительного леса, и сразу спиной почувствовал эту пулю. Она ударила в левое предплечье. Боль была мгновенной, словно ожог. Гонда повернулся, рванул из-под мышки крупнокалиберный бесшумный пистолет и разрядил в ближний кустарник всю обойму. Распластавшись на сырой, пахнущей грибной прелью земле, Ива считал выстрелы. Девять.

Значит, пистолет будет перезаряжать на ходу.

Недозор легко оторвал тело от земли и успел пересечь поляну, как снова затукали глухие частые удары.

"У него есть второй пистолет", – мелькнуло в сознании. Старшина ткнулся лицом в оказавшийся на пути большой трухлявый пенёк и тут же услышал, как в полусгнившее дерево вошла пуля.

"Бьет прицельно – значит, страх отпустил", – подумал Недозор.

Так оно и должно быть. Гонда – волк матерый. Тогда, в сорок восьмом, ушел быстро и проворно, обманув бдительность конвойных и выпрыгнув из грузовика на полном ходу со связанными руками. Сколько ни искали потом в лесу, исчез, растворился бесследно ловкий и хитрый бандит Иохим Гонда. "Да, местность он знает лучше любого лесничего. Что-то у него с лицом. Постарел, что ли? Нет, скорее помолодел, усы модные отпустил, телом усох немного, но все так же проворен, и силы в плечах на троих. Если сейчас подняться, стреножит враз – в пятнадцати метрах затаился, гад. Где же он?"

За стеной леса никакого движения. Недозор не мог знать, что ранил Гонду и теперь тот осторожно полз, прикрываясь кустарником, чутко прислушиваясь к шорохам леса, зажимая правой рукой рану в предплечье.

Сдерживая стон, Гонда вспомнил ледяную маску лица Фисбюри и его монотонную напутственную речь: "Вы пере-

шагнете границу по воде. Вас прикроет наш человек. Случайности учтены и исключены все до единой. Вы отсидитесь в своем схроне и, когда пограничники снимут осаду, достигнете шоссе и прибудете в город по известному адресу. Вас встретит резидент, он передаст вам инструкции. Нужно всегда помнить: вы выполняете особое задание шефа разведки, я подчеркиваю – особое..."

Плечо наливалось тяжестью, словно повесили на него пудовую гирию. Боль почти не чувствовалась, и Гонда понял, что кость задета скользом – пуля разорвала мышцы плеча и прошла навывлет. Такие раны не страшны, только нужно остановить кровь.

* * *

Пластической операцией Гонда был доволен. Теперь и свои из Центра не узнали бы его. Он внушал себе, что стал другим человеком, с другим лицом, привычками, манерами, с другой походкой. Он отпустил модные в России усы, концами к уголкам губ, привык носить темные элегантные очки, отрепетировал перед зеркалом особую, как ему казалось, располагающую улыбку.

И вот все полетело к дьяволу. Первый же пограничник узнал его. Такие у него были глаза, словно увидел ядовитую змею. Что же, выходит, они не сняли осаду, "держат зону" или это случайность, от которой его стопроцентно застрахо-

вал Фисбюри. Пожалуй, все-таки случайность. Иначе давно бы уже шум, поднятый в лесу, был услышан, и тогда... ампула с цианом. Но у каждой случайности своя закономерность. Не хватило каких-нибудь двух километров. А там – шоссе. И первая попутная машина унесла бы его в город. Впрочем, еще не все потеряно. Есть шанс оторваться от старика. Гонда вспомнил кроссы в парке под Мюнхеном. Не зря же он лил пот, черт возьми. Но сказывалось двухнедельное сидение в схроне. Прерывистое, сбивчивое дыхание отнимало у мышц силы.

Гонда слышал отдаленный топот, приглушенный прошлогодней листвой, и старался держаться за широкими, в два обхвата, грабами, но не оглядывался, боясь потерять бесценные секунды.

Их разделяла какая-нибудь сотня метров. Ива не стрелял, берег последний патрон. Не стрелял и Гонда – одной правой рукой на бегу никак не мог перезарядить пистолет, левая же не слушалась, повиснув безжизненной плетью вдоль тела.

"Еще немного, и я достану его, достану. Он ранен..." – догадался старшина, все убыстряя и без того бешеный темп бега.

И вдруг... Вмиг приподняло его и бросило. Ни боли, ни страха. Какая-то дремотная мягкость. И, сверкнув, погасла мысль: "Так вот она такая, смерть". И тотчас почти из небытия, как из вязкого утреннего тумана, появился отец, Степан Евдокимович Недозор. Черные глаза вприщур. И смеющееся-

ся лицо его как бы говорило: "День мой – век мой!"

"К чему это?" – забилась в мозгу Ивы тревожная мысль, и он вдруг понял, что жив и не пуля это вовсе ударила и бросила его на землю. В сердце что-то оборвалось и зазвенело долгой пронзительной болью. Боль несла гибель. Расцепив сведенные судорогой руки, прижатые к груди, Ива лихорадочно зашарил по карманам – он искал лекарства. И оттого, что так долго не мог найти его, старшину бросило в озноб. Недозор сейчас не страшился смерти. Лекарства нужны были, чтобы продлить жизнь ровно настолько, сколько потребует последнее, может быть, самое важное дело, которое должен был совершить Ива.

Лекарства отыскиались в боковом кармане пиджака. Он высыпал из узенькой пробирки на ладонь крошечные белые шарики и положил под язык сразу три штуки. Потом, когда они растаяли, еще три. Лекарство ударило в голову, словно бы даже обожгло мозг, но Ива знал, что так оно и должно быть и скоро он сможет вздохнуть полной грудью.

"На войне как на войне", – подумал Недозор и вдруг увидел себя на раскаленном июльском поле и услышал стригущие землю пулеметные очереди. Его батальон лежит за железнодорожной насыпью, и он один посреди поля, а из дота с холма бьет крупнокалиберный пулемет, и только чудо спасает пока человека. Он вскакивает и бежит к холму зигзагом, сбивая пулеметчиков с прицела. Сзади грохочет выстрелами железнодорожная насыпь. Пули и мины взвихривают перед

дотом белую песчаную пыль, и, прикрытый этой пылью, как дымовой завесой, он снова бросается к подножию холма, тяжело хватая воздух воспаленным ртом.

Старшина вспомнил, как командир полка обратился именно к нему, сержанту взвода разведки Иве Недозору. А случилось такое в боях за Левобережную Украину. Тщательно замаскированный немецкий дот обнаружил себя в последнюю минуту, когда полк брал одну из тех господствующих безымянных высот, которые за время войны никак не удавалось взять малой кровью.

Дот бомбили наши "илы", стволы десятков орудий раскалились от стрельбы по вершине холма. Дот же был как заколдованный, а может быть, немцы не пожалели бетона и стали, чтобы побольше пролилось славянской кровушки за выход к Днепру.

"Ну, граница, – сказал подполковник, – на тебя надежда. Взорвешь дот – к ордену представлю".

"К ордену необязательно, – тихо молвил тогда Недозор, – а вот огоньком прикройте, чтобы фрица с прицела сбить".

Весь батальон вел огонь по амбразуре дота. Связку толковых шашек тащил в вещмешке сержант Недозор – запалы держал в беремечке под гимнастеркой, чтобы не зацепило пульей.

И не полз, а стелился худенький сержант последние двести метров по прошлогоднему жнивью. И каждый полынный куст был ему броней и укрытием. Может, и спасло его тогда

от пули неровно вспаханное танками поле.

Горел уже сложенный Ивой костерок из сухих веток, что развел он под одиноко стоящей сосенкой, занималась уже кора на деревце, а старшине все виделась белесая, изрытая танковыми гусеницами земля того бесконечного солдатского поля и слышались глухие удары свинца об эту землю. Он как бы вновь ощутил и полынную горечь во рту, и жар полуденного, ослепительно белого солнца, и свое хриплое, страшное дыхание.

...У него еще хватило сил отползти от сосенки, но он уже не услышал того, что сказал или собирался сказать:

– Прости меня, лес...

Капитан Стриженой

"Почему я бегу? – думал Стриженой. – Нужно заставить себя идти спокойно: сосна потушена, Недозора отвезли в больницу. Барс взял след, Поважный в курсе всех дел, а я бегу. Я бегу потому, что нарушитель – Гонда и он повернул к границе. Я боюсь, что он снова канет в этих озерцах и болотцах, зароется в другую нору – схрон и бог весть сколько будет там отсиживаться".

Капитан вспомнил лежащего навзничь Недозора, его бледное заострившееся лицо с пепельными подглазьями, и в который уже раз повторил про себя лаконичный текст записки, нацарапанной карандашом на газетном клочке и намертво зажатой в кулаке: "Товарищу капитану Стриженому. Мною по дороге к росстани в Черном бору опознан Иохим Гонда. У него что-то с лицом. Преследовал врага, пока мог. Ранил его, но не знаю куда. Уходит на север, думаю, к шоссе. Все. Прощайте. Сосну поджигаю, чтобы пришли люди и нашли меня. Недозор".

Стриженой скрипнул зубами. Его не покидало странное ощущение не своего тела. Оно словно слегка закаменело, стало жестким и непослушным.

С того момента, как нашли старшину и потушили пожар, капитан думал о Недозоре. Он вспоминал его в разные годы и в разных ситуациях, немного ворчливого, как многие по-

жилые люди, порой по-детски застенчивого и безмерно доброго к солдатам-первогодкам, и догадывался, за что любили его пограничники. Он всех их встречал и провожал как собственных детей.

Капитан поймал себя на мысли, что и сам думает о Недозоре как о близком, родном человеке.

Граница – это люди. Старшина Недозор умел создавать людей границы. И он был предан ей до конца. Не эту ли преданность чувствовали немного растерянные парни, прибывшие на пополнение, когда старшина выстраивал их на заставском дворе? Он проникал в каждого нового человека так, словно тот был чем-то необыкновенно интересен. Он открывал таланты и характеры. Кто был лучший следопыт отряда Глеб Гомозков до встречи с Недозором? Хулиганистый, разбитной парнишка с непомерно развитым честолюбием. Старшина разглядел в нем призвание следопыта, особое чутье, догадку на след, трогательную и властную любовь к животным.

А он, Андрей Стриженой, разве не учился сам у Ивы Степановича выдержке и терпению, доброте и строгости? И всем тонкостям пограничного дела, которым невозможно обучить ни в одной высшей школе.

– ... "Атлас", "Атлас", я – "Сорочь", я – "Сорочь".

Мегафон трещит и хрипит, словно его пронзают десятки молний.

– Я – "Атлас", – спокойно говорит Стриженой, – иду по

следу. Закройте правый фланг... – И после недолгого раздумья глухо добавляет: – Всеми имеющимися людьми.

Сейчас важно отсечь Гонду от развалин старого замка. Интуиция подсказывала капитану, что Палач устремится к тому месту, где он покинул "носильщика", то есть устремится к воде. Маневренная группа отряда, если она успеет, заставит Гонду повернуть на юг. Так опытные загонщики выгоняют волка на затаившегося стрелка.

ГОМОЗКОВ

"...Дыши в себя, если враг близко", – вспомнил Гомозков третью заповедь старшины Недозора и придержал Барса. После ранения Мушкета следопыт ревниво относился ко всему, что делал Барс. Понимал, собака работает хорошо, и все же не мог избавиться от ощущения недоверия к новому другу.

Теперь Гомозков ступал осторожно. Слух и зрение обрели особую остроту. Он вдруг ощутил необъяснимое беспокойство, которое заставляет горных змей уползать в долины накануне землетрясения. Было такое ощущение, что тебя разглядывают. Барс рвался с поводка.

"Он где-то рядом, – подумал следопыт, – совсем рядом. Нужно дождаться отставших Агальцова и Гордыню. И, может быть, капитана. Он с группой идет к ручью".

На краю заболоченной поляны Гомозков остановился и, чувствуя холодок в груди, лег за поваленное бурей дерево. Из этого чахлого болотца и вытекал тот злополучный ручей, который петлял вдоль КСП, где Агальцов увидел шаровую молнию.

На болотце едва слышно всхлипнуло. Раз, другой. Гомозков до боли в ушах вслушивался в эти вроде бы знакомые звуки. Легкий ветерок принес тихий шелест.

"Уходит или провоцирует? – подумал проводник. – Пустить Барса?.. Но ведь ребята вот-вот появятся. Пересечь от-

крытую поляну и... наткнуться на пулю?" У Гомозкова вдруг заныла левая, контуженная две недели назад рука. "Носильщик" Гонды стрелял как бог. Если бы не Агальцов...

Сзади накатился нестройный треск сухостойника. Следопыт трижды крикнул совой. Треск смолк. Вскоре Агальцов и Гордыня подползли к поваленному дереву и молча устались на поблескивающее сквозь кочкарник болотце. Они ни о чем не спросили, знали, Гомозков зря землю обнимать не будет.

– Он пойдет по ручью, а мы следом, – шепнул следопыт солдатам.

Плеск стал слышной. Уходит.

– Прикрой, – шепнул Гомозков, – потом за мной...

И выскочил на свободное пространство.

...Пятый час идет поиск. Кольцо сжалось до предела. Но след потерян. Гонда не вышел из ручья, возможно, он даже и не входил в него. Барс метался по обоим берегам, не находя привычного запаха, и жалобно повизгивал, словно жалуясь на собственную беспомощность. Гомозков стоял потупившись, понимая, что ошибся, уверовав в единственно возможный, как ему казалось, маршрут Гонды. Палач оказался хитрей. Он догадался, что тропа к КСП перекрыта, и избрал другой путь. Скорее всего, сделал по болотцу петлю, пропустил мимо себя пограничников и снова вышел в наш тыл. Только вот в каком месте?.. Начальник отряда полковник Поважный развернул маневренную группу к югу, прика-

зав Стриженому с "тревожной" вернуться к болотцу и прочесать весь квадрат в поисках следа. Застава же во главе с замполитом лейтенантом Крапивиным наглухо закрыла границу по всему участку.

Гонда

Обманув пограничников, Гонда долго кружил по болотцам, находя одному ему известные подводные тропки. Но он понимал: пограничники вернутся. Пора использовать запасной вариант, о котором Гонда умолчал в кабинете Веттинга. Для этого нужно было дождаться темноты и проникнуть на территорию развалин замка. В запасе минимум два часа. День клонится к закату. Козырной не верил в засаду. Развалины на виду, и только дурак решится лезть в западню. Да и обшарили пограничники все вокруг. Развалины – тыл границы. И все же нужно быть осторожным – не выдать себя движением. Если на башне наблюдатель, он рано или поздно обнаружит его. Значит, по-пластунски от дерева к дереву. И на ближних подступах ждать сумерек. Поспешность может все погубить.

– Гут, – сказал он себе по-немецки и вдруг подумал, что еще вчера ему показалась бы нелепой даже мысль о том, что он будет утюжить животом эту ненавистную ему землю.

По тому, как дрожали пальцы, Гонда понял, что смертельно устал. Он пошарил в карманах и достал таблетки, завернутые в целлофан. "Они придадут вам бодрости и восстановят силы", – вспомнил Гонда наставления Веттинга.

– Сволочи, – пробормотал Козырной и тяжело лег на густо растущую осоку.

У него было состояние полной безысходности. Хотелось вот так лежать, лежать, не поднимая головы, не вслушиваясь в шорохи и шумы близкого леса.

"Бойтесь абулии больше пограничников – она порождает апатию". А ведь верно. Немец прав. Мне сейчас все равно, что будет через час, через сутки. И только инстинкт самосохранения пока еще срабатывает. Ему вспомнилась одна из ночей большого города Франкфурта-на-Майне...

Его и еще одного слушателя разведшколы послали пообщаться с туристами из Советского Союза. Туристы прибывали поздно вечером из Мюнхена на автобусе. Гонда и Стрелец (под такой кличкой значился другой агент) долго кружили вокруг гостиницы, где остановились туристы. Они уже потеряли всякую надежду, когда в полночь из гостиницы вышли двое советских – парень в джинсовом костюме и широкоплечий, спортивного вида мужчина лет пятидесяти.

Франкфурт, этот "маленький Париж", как его любят называть немцы, засыпал рано, и двое русских шагали по пустынным улицам, залитым светом реклам, останавливаясь у освещенных витрин, о чем-то оживленно переговариваясь.

Гонда вышел из темного переулка с единственной целью – напугать этих не в меру смелых путешественников. И ошибся. Оба русских спокойно обошли их с разных сторон, словно и Гонда и Стрелец были дорожными указателями. И тогда Стрелец крикнул им вслед по-русски:

– Эй, земляки, хотим поговорить.

Оба советских остановились, несколько, может быть, удивленные тем, что их окликнули, да еще по-русски.

– Вы из Москвы? – спросил Стрелец.

– Из Москвы, – ответил тот, что был постарше. – А вы откуда?

– Мы?.. Я – с Урала, а вот он – с Кубани...

– И живете в Западной Германии?.. – улыбнулся парень в джинсовом костюме.

– Да. Так вот случилось, – пробормотал Стрелец. – Поговорить захотелось, знаете ли, на родном языке.

– Понятно, – сказал тот, что постарше. – И о чем же мы будем с вами говорить?

И Стрельца вдруг понесло:

– Я вот хочу на родину вернуться... Как это лучше сделать?

– Обратитесь в советское посольство, – ответил пожилой, – как все, кто хочет вернуться. Вам помогут...

– А КГБ?.. – ляпнул Стрелец.

– Тогда возвращаться не стоит, – усмехнулся пожилой.

– Вы воевали? – спросил Гонда.

– Воевал, – разглядывая Стрельца, сказал пожилой, – с первого и до последнего дня...

И, не прощаясь, двое русских повернулись к ним спиной и не спеша зашагали к центру залитого светом огромного города.

– Вот теперь они какие... – растерянно произнес Стрелец.

Гонда зло усмехнулся:

– Домой захотелось? Они тебе построят дом с нарами на вечной мерзлоте.

– Что ты, что ты... – бормотал агент. – Мы тут как галушки в сметане.

– Смотри, из макитры не выпади. Подбирать с полу не станут...

Где он теперь, "маленький Париж", город Франкфурт-на-Майне? Вспомнилось же такое. Мюнхен вот не возник, а ведь он прожил в нем без малого пятнадцать лет.

Ксения Стриженая

Колесов оторвался от бинокля.

– Зря мы здесь загораем. Нарушитель сюда не сунется, он сейчас другую дорожку ищет – за нашу КСП...

Ксения Алексеевна промолчала. Она думала о муже. Вот здесь, под этим разбитым козырьком, лежал Павел Стриженой и короткими очередями из ручного пулемета сдерживал банду. Лучшей позиции придумать было невозможно. Автомат Ивы Недозора и "Дегтярев" Павла держали на мушке подступы к границе.

В жизни человека бывают часы, когда прожитое как бы концентрируется, сжимается в короткие, как вспышки, мгновения. Они, эти мгновения, озаряют прошлое, дни и годы обыкновенного мирского существования или даже войны с ее разрушительной силой. Павел прошел войну, а погиб здесь в осенний ночной час, и его наган с серебряной пластинкой холодит сейчас ей руку.

О чем он думал в те минуты, когда нажимал на спусковой крючок пулемета? У него не было времени для боли, для угрызений совести, для печали. Может быть, он думал о том, что хотелось пожить, – ведь для него, веселого, отзывчивого человека, сорок лет были только полуднем жизни.

Познакомились они в предвоенный год. Ксения кончала консерваторию по классу фортепьяно. Тогда много выступа-

ли в парках, на открытых эстрадах. Она играла шопеновские ноктюрны, после концерта к окруженной подругами Ксении решительно подошел смуглый кареглазый военный с двумя кубиками в петлицах. Он попросил уделить ему минуту времени. Она чувствовала его молчаливый восторг и неуловимую робость перед ней.

– Вы хотите пригласить меня в кино? – игриво спросила она.

– Куда хотите, – мягко и растерянно сказал он.

– А вы хитрый... – кокетливо заметила Ксения, оглядываясь на подруг.

– Не очень... А вот вы...

И он заговорил о музыке. Он заговорил о ней, как о своей неосуществленной мечте. И спустя много лет Ксения помнила этот удивительно страстный монолог, прерываемый лишь доверительным прикосновением к ее руке в поисках, может быть, вдохновения.

Он открылся ей, как самому близкому человеку. Ее сначала огорошила такая откровенность и прямота, потом она поняла, что человек этот весь соткан из чистых, благородных помыслов, что он естествен и бесхитроsten в каждом своем порыве.

Они встретились в следующую субботу и пошли в кино. Потом посидели в кафе и выбрались за город, бродили по лесу и вернулись в Москву поздно. Они дружили по-юношески светло и чисто. И полилась между ними та самая вечная

и прекрасная музыка, в которой один созвучен другому, и стало невозможно разнять эти созвучия. Они уехали в Среднюю Азию, на границу, к месту службы Павла.

Ей снились березы. По ночам она плакала. В первые дни ее потрясло однообразие пейзажа. Песок и редкие кусты саксаула. Беспощадное белое солнце – сорок пять по Цельсию в тени. Можно было сойти с ума. Это уже потом Ксения узнала и поняла красоту весенней, пестрой от тюльпанов и астрагалов пустыни. Оценила вечную, текучую песню песков, полюбила черное бархатное небо с близкими, как нигде, синими-синими звездами. Ей нравилось поить гордых верблюдов. Она научилась ездить верхом, стрелять из винтовки.

Но иногда вспыхивала в ней неодолимая тоска по дому, по Москве, по инструменту, пальцы помнили любимого Шопена, они ничего не хотели забыть, эти тонкие длинные пальцы лучшей выпускницы консерватории. Родился Андрей. А вскоре началась война. Павел писал рапорты с просьбой отправить его на фронт. Он уехал в конце сорок второго под Сталинград. Ксения осталась на заставе, хотя ей предлагали вернуться в Москву, настаивал на том же и Павел. А она осталась. И поднималась по тревоге, как все, и скакала в ночь, сжимая короткий кавалерийский карабин в правой руке, чтобы можно было стрелять навскидку. Она обстирывала и кормила заставу, отрезанную от Большой земли нескончаемыми песками, и ждала писем от Павла. Война уводила его все дальше на запад, а потом пришло письмо из госпита-

ля. Стриженой писал, что ранен в плечо и в голову, лежит в одном из сочинских госпиталей и, как только подлечится, приедет на заставу.

Он приехал весной, когда цвели тюльпаны и миндаль. Увидел шрам – след бандитского ножа, молча кивнул, все понимая, и позвал на руки четырехлетнего Андрейку. А она смотрела на него, бледного, исхудавшего, с тонкой полоской бескровных губ, и узнавала своего Павла, единственного в мире человека, кому было позволено обнять и поцеловать ее в губы, властно, по-мужски...

"Поклонись своей любви, Ксения", – сказала себе Стриженая. Ей показалось, что она произнесла это вслух. Взглянула на Колесова. Сержант, поджав губы, крутил барабанчики окуляров на бинокле. Она посмотрела на западную часть гигантского лесного массива. Там, над зубчатой кромкой, в розово светящемся небе застыл неправдоподобно красный шар солнца. "Оно похоже на этот сумасшедший, тревожный день", – подумала Ксения.

Полковник Поважный любезно предложил провожатого. Молоденький сержант Константин Колесов, узнав, кого будет сопровождать на заставу, был сама предупредительность и внимание. И все же Ксении стоило большого труда уговорить сержанта подняться на башню разрушенного замка. Он уступил только после того, как Стриженая рассказала ему о ночном бое и гибели мужа. И все-таки, прежде чем подняться на башню, Колесов подключился к розетке, связался со

штабом отряда и внезапно получил приказ остаться на башне и вести наблюдение до подхода "тревожной" группы.

Ксения ощутила в кармане плаща холод нагана. В нем семь патронов с войны. Полный барабан. Мужнин наган. Единственная вещь, которую Ксения оставила на память. Может быть, потому что он именной. Тонкая серебряная пластинка на рукоятке. И на ней малопонятная гравировка: "От Гангута до Корсуни – 1945 год".

Сам Стриженой никогда не объяснял смысла надписи на пластинке, однажды только сказал: "Не знаю оружия надежнее, чем наган".

И вот пришла пора распрощаться с дорогой сердцу вещью. Ксения твердо решила подарить наган заставскому музею, где все дышало подвигом мужа и его бойцов.

– Мы здесь не зря, Костя, – запоздало отметила Стриженая, – даже у тренированного человека есть предел физических возможностей. К тому же, как тебе сказали, нарушитель ранен. Он может прийти сюда зализывать свою рану и отдохнуть.

– Да ведь развалины-то эти с башней у всех на виду, – возразил Колесов.

– Ему нужно где-то укрыться... Он ушел по воде и сбил след. И он знает, где его ищут. К границе он не пойдет – умен. Вам известно, что такое схрон?

– Не видел пока. А слышал много, – ответил Колесов.

– Тайники и схроны строили немцы. Вы, конечно, знае-

те, что такое ОУН. Для этих бандитов и делались подземные квартиры. Сколько их еще на нашей земле осталось... В сорок шестом году у бандитов были даже свои бронетранспортеры и тяжелые минометы. Оуновцы – фанатики, хотя и среди них находились обманутые бандеровской пропагандой простые крестьяне.

– Нам рассказывали, – серьезно сказал Колесов и вдруг спросил: – А кто такой Гонда? Жухов сказал: нарушитель Гонда, и все...

Ксения Алексеевна прищурилась и взяла из рук сержанта бинокль. Долго рассматривала окрестности.

– Я не знаю, кто он сейчас... В ОУНе носил чин надрайонного "проводника"... Жестокий и страшный человек. Недаром его прозвали Палачом. Говорят, только один вид горящего села доставлял ему огромную радость. пыткам и зверствам Гонды нет числа...

Шар солнца скатился за лес, оставив призрачный, слабый след. Зубчатая кромка бора уходила в сумрак, буквально на глазах исчезала, сливаясь с еще теплившимся мягким светом горизонтом.

– Все, – сказала Стриженая, возвращая бинокль. – Через полчаса сюда явится Андрей с "тревожной". Теперь можно и на заставу. Иногда, Костя, человеку просто необходимо почувствовать, что он делает важное и опасное дело... Звездный час не случился, значит, не о чем и жалеть. Осмотри еще раз подходы, а я вниз. Подожду тебя под аркой.

Она спустилась по каменным стертým ступеням в узкий, стиснутый кирпичными стенами двор. Двор был глухой, и только в дальнем углу зиял пролом. И в нем стоял человек. В сумерках он казался вырезанной из фанеры черной мишенью. Стриженная вздрогнула. Инстинкт бросил ее на холодные плиты. И тотчас глухо хлопнуло. И пуля, трижды срикошетив от стен, бесформенным комочком свинца подкатилась к самому лицу Ксении.

"Костя!.. Он же будет спускаться. Ему не сделать и двух шагов по лестнице. И он ничего не слышит там... наверху..." – молнией пронеслось в мозг.

Снова глухо щелкнул бесшумный пистолет. И снова стены отозвались на выстрел тройным стуком.

"Он меня плохо видит – серый плащ на серых плитах. Наган!" – вспомнила Ксения. Она успела рвануть из кармана оружие, когда осколки гранитной плиты ударили в лицо, обжигая нестерпимой болью. Слепленная, она стреляла наугад в направлении пролома, предупреждая Колесова о появлении Гонды.

Козырной уже покинул двор. Только на миг его фигура еще раз появилась в проломе – тогда и прозвучала короткая автоматная очередь. Окрика Палач не слышал. Пуля ударила в голову выше левого виска, жестоко контузила того, кто именовался Иохимом Гондой по кличке Козырной.

Гонда

У него было странное ощущение не своего тела. Он видел и чувствовал, но не мог шевельнуться. Сквозь полуприкрытые веки Гонда различил склонившееся над ним лицо молодого скуластого парня. Тот сказал:

– Вот и все...

А Гонда думал об ампуле, вшитой в воротник джинсовой куртки. Вторая – в перстне на безымянном пальце правой руки. Нужно только дотянуться до одной из них и раздавить зубами. Мышцы отказывались повиноваться мозгу. Этого не мог предвидеть ни Веттинг, ни тощий американец по фамилии Фисбюри. Этого не мог предвидеть никто.

Кололо в висках. Тело казалось объатым пламенем. Внезапно он вспомнил себя в эсэсовском черном мундире с двумя молниями – готическими буквами "С" на левой петлице. Есть ли у них фотографии того времени, когда он служил в военно-диверсионном подразделении "Нахтигаль"? Его охватила бешеная злоба. Не хватило каких-нибудь пяти минут, чтобы нырнуть в подземелье. Он бы сдвинул плиту и одной рукой. Она в левом углу под лестницей. Никто, кроме атамана Садового и брата Сигизмунда, не знал о ходе в подземелье. Обоих давно нет в живых. А может быть, и этот тайный вход открыт пограничниками? Помнится, еще в сорок восьмом там крутилась группа войсковых саперов. Как бы

там ни было, теперь и эта возможность уйти, раствориться в полузасыпанных галереях замка рухнула. Мелькнула слепая и беспомощная мысль о побеге. И тут же угасла – после такой контузии далеко не убежишь. Поздно. Он не смог продать жизнь дорого, теперь нужно попробовать ее купить. И пусть идут ко всем чертям и тощий американец, и Веттинг со своей любовью ко всему изящному. Он выложит все, что знает. И потребует гарантии. Он будет жить до последнего. Есть еще его Величество Случай. Ведь ушел же он в сорок восьмом от "ястребков", из самого пекла вырвался. А умереть он всегда успеет.

Эпилог

Дорога то взлетала на холм, то круто падала вниз, и тогда казалось, что она уходит под землю, – такой туман стоял в низинах.

Андрей искоса взглядывал на мать. Ксения Алексеевна зябко куталась в домотканый гуцульский платок и грустно покачивала головой, утверждая себя в каких-то давно выношенных мыслях.

Лес на холмах сквозно сиял льдистой пустотой. Шофер-первогодок вел газик осторожно, словно вез бесценный хрупкий груз. Он тоже поглядывал на Ксению Алексеевну, и с лица его не сходило выражение плохо скрываемого восторга.

– Я возьму его к себе, – внезапно сказала Стриженая. – Он будет жить в комнате Нины...

– В лесничестве ему предлагали работу, – осторожно напомнил Андрей. – Он не сможет без границы...

– Когда не сможет, тогда и уедет, а пока поживет у меня. Я за ним присмотрю.

Андрей смотрел на рваный глубокий шрам, тянувшийся от уха почти до самого подбородка, и узнавал свою мать.

Она не менялась с годами – только серебристой становились волосы да солнышки морщин делались гуще. Ксения Алексеевна работала. Общительная по натуре, она всегда

была окружена людьми. И все же родной человек у нее один – он, ее сын, плоть от плоти матери. Даже глаза и те с материнской, едва приметной раскосинкой.

Ксения Алексеевна повернулась к сыну лицом:

– Не смотри на меня так. Красота мне все равно ни к чему. А дети привыкли. Ты ведь не знаешь, я забыла тебе рассказать. Мы в школе ставили оперу, детскую конечно. Пришлось мне на время стать композитором. И представляешь – не совсем бесталанно.

"Мать все понимает, – подумал Стриженой, – о многом догадывается и о Недозоре заговорила неспроста. После того, что случилось в Черном бору, о службе не может быть и речи. И мать не верит в возвращение Нины. Две женщины, а такие разные. Он вдруг представил себе Нину при встрече с Гондой и не мог себе сказать, как бы она поступила. В ней слишком много было для себя, в матери же – все для людей. Вот и сейчас думает об одиноком больном Иве Степановиче".

Газик проскочил пригород, пересек центр и выкатился прямо к вокзалу. Стриженой помог матери выйти из машины. Ксения Алексеевна прощально помахала рукой водителю.

Андрей решительно шагнул к привокзальному скверу.

– Посидим...

Они нашли свободную скамью, окруженную с двух сторон акациями. Некогда густо поросшие листвой дерева проре-

дились, с них срывались легкие, истонченные листья, прихваченные первыми ночными заморозками.

Ксения Алексеевна молчала. Они сидели близко, рядом, и мать чувствовала, как труден сыну предстоящий разговор. И она первая начала его:

– Такие прорывы не каждый год, Андрей.

– Да, не каждый, – согласно кивнул Стриженой, – но я к нему готовился...

– Поводил он вас за нос с этим схроном... – сказала мать. – Кто бы мог подумать: пещера, убежище – в полукилометре от КСП... И все-таки вы его взяли. А Колесов молодчина... И Агальцов... Настоящие ребята... – Ксения Алексеевна усмехнулась: – Ты только не думай, мать – героическая женщина. Мне было страшно так же, как в сорок втором, когда я заработала первый шрам, как в сорок восьмом... когда погиб твой отец. – Ксения Алексеевна потерла виски и вдруг остро и озорно взглянула в лицо сыну: – Ты устал... Последние недели были трудными и неудачными. А застава числится в отличных... В ошибках разберешься сам... Они для того и совершаются, чтобы на них учились. Но вот что я скажу тебе на прощание... Нужно всегда помнить, что каждый из вас значит для государства здесь, на пограничной полосе. Что бы ни случилось с душой, как бы ни выворачивалась она от боли, твои тревоги ничто в сравнении с тревогами границы на всем бесконечном ее протяжении...

– ...На всем бесконечном ее протяжении, – как эхо повто-

рил Стриженой. – Спасибо, мама...

Ксения Алексеевна достала из кармана револьвер.

– Хотела вот увезти обратно. Все равно, думала, нигде патронов для нагана теперь не достанешь. Ведь те, которые были, – с войны. Я счастлива, Андрюша, что стреляла из него по врагу. Оказывается, можно хоть на минуту вернуть молодость. И я поняла, что не имею больше права на это оружие. На границе оно должно передаваться по наследству. Возьми... Я его и везла в комнату славы. Пойдем на перрон...

Ксения Алексеевна озорно, по-молодому рассмеялась и легонько щелкнула сына пальцем по носу, как это делала давным-давно, когда он пытался дотянуться рукой до макушки карликового карагача, росшего во дворе отцовской заставы.